

Из-за множества мыслей, роящихся в голове, Фэн Мин почти всю ночь не мог уснуть.

После того как было принято окончательное решение всё отпустить, князь спокойно без сновидений уснул и встал лишь во второй половине дня. Будучи по характеру великодушным, юноша, можно сказать, закалил нервы, сделав их крепче арматуры. Выкинув из головы всю тревогу, князь уверил себя как следует потрудиться, находясь в Дунфань, более того, Фэн Мин разжёл боевой дух и больше не боялся этого нестерпимого чувства потери [1].

Лёжа в кровати, юноша лениво зевнул, а перед глазами появился улыбчивый взгляд Лу Даня:

— Князь Мин заставил Лу Даня долго ждать, к тому же у Лу Даня есть хорошие новости, и ему не терпелось рассказать их князю Мину.

Мужчина последовательно доложил о том, что обсуждали сегодня в главном зале. Гневно усевшись на кровати, Фэн Мин поменялся в лице и проговорил:

— Господин советник не шутит? Это и есть хорошая новость? Вы ведь хотите, чтобы я вместо Вас защищал императора Дунфань? Я ещё не перешёл на сторону государя, а уже нанёс оскорбление, похоже, крайне суровому человеку?

На что Лу Дань ответил:

— Цзюнь Цин действительно очень суровый человек, вся армия находится под его контролем. Если он пожелает убить Вас, это всё равно, что любой офицер Дунфаня захочет заполучить Вашу жизнь.

Фэн Мин вдохнул холодный воздух:

— В таком случае Вы ещё меня заставляете бороться с ним за какое-то чиновничье место?

— Князю Мину сначала нужно прекратить роптать, так как Лу Дань поможет князю Мину. — И мужчина стал медленно анализировать: — Во-первых, я хоть и являюсь советником Дунфань, однако не могу в одиночку решать все важные дела своей страны, в особенности занимать такой высокий пост, как помощник правителя. Лишь с помощью уловок разозлив Цзюнь Цина и загнав его в силки, князь Мин сможет занять ключевую позицию в Дунфань. Цзюнь лин-сы крайне озабочен сохранить своё лицо, а когда через три месяца князь Мин докажет, что его способности не идут ни в какое сравнение со способностями Цзюнь лин-сы, тогда генерал сдержит своё слово и выдвинет кандидатуру князя Мина на место помощника правителя Дунфань. Поскольку вся армия Дунфань находится у него в руках, с помощью его и моей поддержки больше никто не осмелится возражать против Вашего появления в главном зале Дунфань.

Фэн Мин по-прежнему был напряжён и, с возмущением глядя на мужчину, спросил:

— Три месяца? Смогу ли я пережить эти три месяца — вопрос, только, боюсь, младшие братья Цзюнь Цина окружают меня, а потом «хрясь-хрясь» и уничтожат.

— Это второй пункт, который Лу Дань обдумал вместо князя Мина, — и мужчина легко улынулся, став ещё привлекательнее. — Князь Мин должен пораскинуть умом. Как князь Мин назовёт человека, который в ходе вашего трёхмесячного состязания прибегнет к нечестной тактике и с помощью собственной власти тайком уничтожит конкурента?

— Подлецом, бессовестным, сволочью, ублюдком, филистером [2]... — в этом плане князь отреагировал на удивление быстро и, возможно, считая именно себя тем, кого должны были уничтожить, ещё больше возмутился и с благородным гневом, что распирал грудь, неожиданно разразился английскими словами.

Лу Дань, не поняв, что последнее сказал Фэн Мин, отказался комментировать и, кивнув, проговорил:

— Именно так. В течение этого трёхмесячного договора Цзюнь Цин, чтобы избежать слухов и пересудов, что его умения хуже князя Мина или что он мелочный, наверняка не позволит Вам потерпеть любую нависшую над Вами неудачу. А под защитой военного совета даже в нынешней сложной ситуации те, кто ненавидит Лу Даня, не посмеют нанести удар князю Мину. — И мужчина приглушённо добавил: — Признаюсь князю Мину: как только цзиши были стёрты с лица земли, на первый взгляд хоть приблизительно всё и успокоилось, однако под этим спокойствием по-прежнему скрываются бушующие волны [3], в этом императорском дворце, кроме нескольких приближённых людей, даже обычной охране с прислугой нельзя доверять. Опасность повсюду, если бы не этот трёхмесячный договор, Цзюнь лин-сы, удостоверившись, что князь Мин на моей стороне, и чтобы меня притеснить, кто знает, мог бы приказать уничтожить Вас. Эти императорские охранники почти наверняка являются выдающимися солдатами армии Дунфань. И под покровом тихой ночи разве позволят князю Мину сбежать?

Фэн Мин искоса взглянул на стоящего вдалеке и вытянутого словно в струну охранника, представив, как все эти солдаты ночью появляются перед ним и вонзают кинжалы в тело... Юноша задрожал от холода, мысленно говоря: «Еле пронесло».

Вновь наморщив изящные брови, князь Мин недовольно проворчал:

— В течение трёх месяцев я буду под защитой, однако как только они пройдут, что делать тогда? Нельзя ли уговорить императора Дунфань продлить срок?

Лу Дань по-прежнему был спокоен и равнодушен:

— А это уже головная боль князя Мина. Я лишь напомню кое-что: если в течение трёхмесячного срока Вы не справитесь с Цзюнь лин-сы, то он, весьма вероятно, добьётся позволения императора казнить Вас. Пустая затея — сохранять жизнь никчёмного человека, тем более, когда дело касается Вашего участия в военном деле Дунфань, Цзюнь Цин не может

не уничтожить конкурента.

Неужели его собственная судьба решила над ним, князем, подшутить? Как раз тогда, когда у него появилось намерение сделать что-то для Дунфань... Фэн Мин от возмущения выпучил глаза и долгое время не мог вымолвить ни слова. Однако кое-что придумав, юноша самодовольно рассмеялся:

— Но и господину советнику тоже не стоит забывать: у меня и государя находятся клинки Ушуан. Вам безразлична моя жизнь, так неужели безразлична и жизнь императора Дунфань?

— Князь Мин ошибается, — Лу Дань вовсе не пришёл в смятение и, словно восхищаясь изящной цветочной вазой, стоящей на шкафу, блёкло ответил: — Лу Дань лишь сказал, что другой меч у государя, но не говорил, что государь уже повесил его себе на пояс. Князь Мин должен успокоиться, ведь стоит князю Мину пройти трёхмесячное испытание, доказав свои способности и продемонстрировав чувство преданности Дунфань, император тотчас же станет носить Ушуан на своём поясе. После чего все преданные государю министры не щадя жизни станут защищать князя Мина.

Фэн Мина словно безжалостно ударили молотком по голове, а сам князь глупо спросил:

— Господин советник не шутит надо мной?

— Лу Даню не нравится шутить. — Взгляд прекрасных, похожих на ртуть, глаз упал на Фэн Мина, а милый голос Лу Даня потревожил слух: — Государь — самый важный человек в жизни Лу Даня, который просто так ни за что не отдаст его кому-то другому. К счастью, князь Мин прошёл множество проверок Лу Даня, как только преодолете роковой момент, тотчас же можете стать наиболее подходящей кандидатурой в глазах Лу Даня.

— Мне никогда не хотелось становиться Вашей кандидатурой... — слабо вздохнул юноша.

Кто бы мог подумать, что он, князь, ещё не получил верховную власть, а его жизнь уже подвергали испытаниям! Жун Тянь умер, Жун Ху, Ле-эра и всех остальных слуг не было рядом; находясь за тысячу ли от Силэй, юноше только и оставалось, что отчаянно бороться, опираясь на собственные силы.

Фэн Мин посмотрел на явно равнодушного и спокойного Лу Даня. Этот человек, господин советник Дунфань, действительно тщательно всё обдумал, последовательно, и уже втянул юношу в ложную политическую борьбу, вынуждал его ради собственной безопасности стоять с собой на одной линии фронта и использовать собственные знания, чтобы подавить серьёзного противника.

Если действительно в течение трёх месяцев удастся справиться с Цзюнь лин-сы, слава Лу Даня ещё больше расцветёт.

Хорошо, что такой человек не был рождён в Ли.

Неизвестно, как поживали император Ли и его сестра — Мяо Гуан.

В Силэй царил военный переворот, в Фаньцзя — переполох, наследный принц Юнъинь оставил престол, император Ли находился без сознания, в Дунфань погибли цзиши... Когда же у этих воюющих одиннадцати стран появится единый правитель?

В тот вечер, ещё до наступления темноты, в опочивальню князя Мина был доставлен указ императора Дунфань.

— Указ государя: с сегодняшнего дня Фэн Мин будет участвовать в тайных делах военного совета, а все вопросы решать ему поможет Цзюнь лин-сы. — Неторопливо прочитав несколько строк императорского указа, присланный Его Величеством гонец с улыбкой обратился к Фэн Мину: — Государь сказал, что титул князя Мина сохранится, если в течение трёх месяцев удастся достичь успеха, тогда ты станешь настоящим князем моего Дунфань. — В императорском дворце не было дурной привычки, которая была свойственна Древнему Китаю: не было старших дворцовых евнухов, которые выглядели женоподобно. Обычно гонцу было около двадцати лет, и обладал он утончённой внешностью.

После получения императорского указа Фэн Мин, вспомнив, что ему предстоит трёхмесячное смертельное испытание, с кислой миной немного поужинал и, помывшись, сел возле кровати.

Глубокой ночью вновь начался снегопад. Князь ещё не встречался с Цзюнь лин-сы, однако, опираясь на слова Лу Даня, уже понимал, что с этим человеком шутки плохи. Только что князь мог придумать, используя небольшие знания современного военного дела, чтобы запугать этого древнего Цзюнь лин-сы, утвердив своё знаменитое имя?

До глубокой ночи князь размышлял и, почувствовав сонливость, закрыл глаза.

Сквозь пелену сна казалось, что кто-то тихонько зовёт:

— Князь Мин? Князь Мин? — раздался тихий и нежный мужской, до боли знакомый, голос.

Фэн Мин сонно промычал, однако его веки были такими тяжёлыми, что он не мог открыть глаза.

— Князь Мин? Скорее просыпайтесь.

Кто-то спешно и в то же время бережно потряс юношу за плечо.

— Кто здесь? — воскликнул стоящий на карауле охранник, кого-то, похоже, заметив.

Громкий голос, разорвавший тишину, внезапно разбудил Фэн Мина, который с трудом открыл глаза, однако перед ним уже никого не было, в обставленной разной мебелью комнате всё было по-прежнему, снаружи лунный свет озарял белоснежные снежинки, что, сверкая, падали на землю. А при таком снегопаде откуда бы взяться человеческой тени?

Из-за жемчужного занавеса послышалось шуршание, две изначально прислуживающие князю служанки подняли тусклую маленькую лампу и, используя огонёк, горевший в ней, зажгли в комнате масляные светильники. Прикрывая ладошкой рот, служанки немножко зевнули и легко спросили:

— У князя Мина есть какие-нибудь распоряжения?

Фэн Мин, сев на кровати, две секунды пребывал в безрассудном состоянии, после чего, покачав головой, ответил:

— Нет, наверное, я говорил во сне.

Только что звучавший в ушах голос немного напоминал голос Жун Ху, вот только этот голос звучал неясно, сквозь сон, и Фэн Мин не осмелился утверждать, правда ли это. Неужели сильная тоска по Силэй вызвала такой странный сон?

Отвечающий за охрану Фэн Мина глава стражи вошёл в комнату и тщательно всё осмотрел, и, обращаясь к князю, холодно проговорил:

— Князь Мин должен успокоиться, мы, безусловно, сможем как следует сохранить безопасность князя Мина. Под нашей охраной князь Мин может спать спокойно, — закончив говорить, глава охраны покинул комнату. Мужчина был военным и преклонялся перед Цзюнь лин-сы, который в его глазах был подобен духам, к самому же Фэн Мину, боровшемуся с Цзюнь Цинем за позицию помощника правителя и являющемуся «чужеземцем», мужчина, конечно же, относился далеко не как к святому.

— Уже поздно, просим князя Мина лечь пораньше и спокойно поспать. — Служанки, сделав шаг вперёд и хорошо устроив князя, помогли ему подоткнуть края одеяла и, затушив огонь свечи, также беззвучно покинули комнату.

Встревоженный Фэн Мин был подобен насилу успокоившемуся озеру, в которое до этого внезапно кинули камень. Разве он мог теперь заснуть? Немного сдерживаясь, князь приглушённо проговорил, озираясь по сторонам:

— Это ты? Хватит прятаться.

Но тишина была ему ответом.

Фэн Мин долго прислушивался, после чего вновь осторожно позвал, но по-прежнему ему никто не ответил. Тогда князь замолчал, и, невольно вспомнив всё, что происходило в Силэй, Жун Тяня и остальных, юноша тяжело вздохнул и, хлопнув по лбу, забранился:

— Разве ты не говорил, что надо сосредоточиться на предстоящем деле? Что толку вздыхать напрасно и строить гипотезы? — Натянув ватное одеяло, князь лёг, но, будучи не в состоянии заснуть, он всю ночь проворочался в постели.

Мало того, что ночь выдалась бессонной, так ещё и погода была холодной, Фэн Мин собирался оставаться в постели весь следующий день, однако его планы рухнули.

Рано утром, как только пропели петухи, в комнату вошли служанки и, поприветствовав юношу, льстиво проговорили со смехом:

— Князь Мин, должно быть, проснулся. Цзюнь лин-сы прислал генерала Цан Яня, приглашая князя Мина участвовать в собрании.

— В такую рань? — слабо застонал Фэн Мин.

— Князь Мин, скорее причёсывайтесь, умывайтесь и одевайтесь. Говорят, что Цзюнь лин-сы крайне строгий человек, некогда он попытался сломать ногу генералу, опоздавшему на собрание.

Фэн Мин даже не имел права возразить, сонного его вытащили из-под одеяла пять-шесть служанок и, спешно умыв и причесав, поменяли нижнее бельё, а наверх надели белоснежный ватный халат и ещё несколько подаренных Лу Данем украшений.

Полусонный князь долгое время следил за их манипуляциями, и, увидев, что его нарядили надлежащим образом, Фэн Мин покорно сделал шаг вперёд, покидая комнату. Одна из служанок, сжав губы, со смехом сказала:

— Князь Мин, не спешите и пока не выходите.

Держа в обеих руках ярко-алого цвета накидку, девушка обратилась к Фэн Мину:

— Это вчера господин советник оставил, сказав, что князь Мин боится холода и если выйдет из дома, то необходимо, чтобы он одевался теплее.

Неизвестно, из какого материала был соткан этот плащ, но восхитительный на ощупь мех, охватывающий шею, как будто принадлежал редкой белой лисице. Оказавшись на теле, плащ действительно дарил тепло и уют.

Хоть Фэн Мин прекрасно понимал, что Лу Дань пытается завоевать сердце князя, нельзя было не восхититься тщательностью мыслей господина советника.

Служанки, обступив, вывели князя за двери опочивальни. В галерее юноша развернулся и увидел одиноко стоящего впереди человека, облачённого в одежду генерала Дунфань, силуэт которого частично выдавал надменность военнослужащего. На что князь в душе подумал: «Это наверняка тот генерал по имени Цан Янь».

Начиная с этого дня, каждый военный в Дунфань, по всей вероятности, становился его противником. Смотря на этот силуэт, с которым лучше не связываться, Фэн Мин, хоть и не выпался, однако тотчас же немного очнулся, выпрямил спину, убрал с лица полусонное выражение и с благородными манерами, которыми долгое время овладевал, учась у Жун Тяня, направился к этому генералу.

— Вы, наверно, генерал Цан Янь. Генерал Цан Янь заждался, — и князь обнажил славную и в то же время дружескую улыбку.

Мужчина сразу повернулся и острым взглядом окинул Фэн Мина, ясно увидев молодое красивое лицо, отчего мужчина невольно опешил. Генерал вовсе не принимал участия в том вечернем банкете, который состоялся во дворце императора, и что касается Фэн Мина, в большей части знал о нём лишь понаслышке. Видя, как кто-то оценивал красоту князя из Силэй, мужчина непосредственно предполагал, что юноша такой же, как господин советник, женственный и бесчеловечный, однако сейчас при внезапной встрече это, на удивление, оказался довольно отважный и обладающий изящными манерами молодой человек.

Трудно было испытывать неприязнь к столь светлой и совершенно не фальшивой улыбке, которая значительно отличалась от мрачной, всегда притворной ухмылки Лу Даня. Хоть черты лица князя не шли ни в какое сравнение с внешностью господина советника, однако мягкость юноши являла некое самоуверенное изящество. Фэн Мин позволил генералу Цан Яню смерить себя взглядом и, приподняв уголки рта, со сверкающей улыбкой проговорил:

— Выдающийся и величественный генерал Цан Янь, похоже, является мастером в допросе вражеских шпионов. Хе-хе, так как под таким пристальным взглядом генерала Цан Яня сложно будет что-либо утаить.

Чувствуя неловкость, мужчина прекратил таращиться и с каменным лицом ответил:

— Цзюнь лин-сы, как и остальные сановники, уже ждёт в приёмной, чтобы обсудить военные дела, прошу князя Мина проследовать за мной. — Цан Янь более двадцати лет служил в армии, где была строгая дисциплина, и, выработав привычку со всей ответственностью относиться к делу, развернулся и зашагал вперёд, указывая дорогу.

Светлая улыбка князя словно столкнулась с твёрдым гвоздём, и, глядя на вытянутый силуэт генерала Цан Яня, князь высунул язык, после чего вытянул руку, чтобы туго укутать шею лисьим мехом, и, несмотря на снегопад с порывами ветра, который начался ещё ночью и до сих

пор не стихал, последовал за генералом.

Из-за выпавшего снега было тяжело идти. На этот раз Фэн Мину не повезло — рядом не было Лу Даня, а это означало, что никто не приказал подать паланкин и отвезти Его Светлость до места назначения. С большим трудом князь брёл за генералом почти полчаса, тяжело дыша и невольно думая: «Государство Дунфань не очень большое, так почему же дворец построили таким огромным? Ведь это же расточительно как по отношению к людям, так и по меркам материальных ресурсов».

По правде говоря, дворец Дунфань не шёл ни в какое сравнение с величественным и просторным дворцом Силэй, однако архитектурные постройки отличались от строгого и торжественного дизайна Силэй, а дороги постоянно были обрывисты и извилисты, что создавало трудности идущему по ним.

— Генерал, подождите немножко! — крикнул Фэн Мин. — Не стоит так спешить.

Услышав голос князя, генерал Цан Янь замедлил шаг и с нетерпением стал ждать у края дороги. Фэн Мин, семеня ногами, в несколько шагов догнал мужчину и хмуро спросил:

— Сколько ещё идти?

— Уже пришли, — без каких-либо колебаний ответил генерал, указывая вперёд.

Впереди действительно оказалась фанза [4], вокруг не было никаких соседних построек, двери, как и всё здание, окружала бдительная охрана, посередине над воротами красовалась большая и красивая [5] надпись «Военный зал заседаний». Это было наилучшим местом в Дунфань для обсуждения военных дел.

Собравшись с силами, Фэн Мин последовал за генералом Цан Янем и, шагнув в большие ворота, поднял очень плотный ковёр, висевший на двери; в комнате уже толпились раздражённые и величественные генералы, которые стояли в ряд с левой и правой стороны и, похоже, занимали высокую должность, позади них находились, должно быть, подчинённые или фу-гуань [6], которые в большей степени были очень юны и полны сил.

В центре зала сидел высокий мужчина с глубоко посаженными глазами, демонстрируя несравненную самоуверенность. Мужчина, опустив голову, вчитывался в складной свиток-документ, на левом плече у него красовалась пурпурная подвеска, указывающая, что именно этот человек в нынешнее время является самым старшим главнокомандующим армии Дунфань.

Как только Фэн Мин и генерал Цан Янь вошли, взгляды всех присутствующих тихо упали на князя. Эти люди некогда не жалели сил, сражаясь на поле боя, и их взоры были острее, чем у простого люда, и под такими взглядами даже привыкший к городским сборищам Фэн Мин почувствовал, как атмосфера внезапно стала гнетущей и удушающей.

Единственный, кто не обратил внимание на князя, оказался сидящий в центре Цзюнь лин-сы — Цзюнь Цин. Генерал занимал видную позицию и обладал особыми манерами полководца, поэтому Фэн Мину незачем было знакомиться и узнавать, кем же являлся этот мужчина.

Цан Янь доложил:

— Цзюнь лин-сы, князь Мин уже прибыл.

Цзюнь Цин, похоже, ничего не имел против этого равного по силе противника, спустя долгое время мужчина медленно выпустил из рук свиток и, подняв голову, посмотрел на пришедшего Фэн Мина.

Гордо стоящий напротив князь встретился со взором генерала. В длящемся моменте их взгляды, словно острые лезвия, сошлись в схватке, нанося удар, и лишь потом каждый из мужчин отвел взор.

Цзюнь Цин, слегка двинувшись, поднял руку, говоря:

— Прошу князя Мина сесть.

Находящаяся рядом охрана пододвинула столы и стулья, неизвестно, было ли это желание Цзюнь Цина, однако они установили места, вопреки ожиданиям, недалеко от порога, заставляя Фэн Мина сесть напротив генерала Цзюнь лин-сы, а с обеих сторон находились господа генералы, такая позиция позволяла ему, Цзюнь лин-сы, и князю Мину продемонстрировать враждебное отношение друг к другу.

Находясь в таком крайне неловком положении, Фэн Мин внешне сохранял спокойствие, однако на самом деле его сердце билось, словно маленький барабан, сам же князь, обращаясь к Цзюнь лин-сы, сказал со смехом:

— Цзюнь лин-сы в такую рань позвал меня участвовать в военном совете. Не знаю, что вы хотите обсуждать?

Князь искоса посмотрел по сторонам: каждый из людей Цзюнь лин-сы мог утопить его одним плевком. С того момента, когда они с Жун Тянем предавались сладостным объятиям, находясь на реке Оман, после чего он, князь, крепко уснул, несчастья, похоже, неотрывно следовали за Фэн Мином по пятам, фактически нынешнее положение не сильно отличалось от того, когда его держали в небесно-земном дворце.

— В такую рань? — спросил генерал, выглядевший на лет пятьдесят, и презрительно продолжил: — Хех, мы здесь по крайней мере уже час ждём.

— Се Гуан, князь Мин является гостем, которого император Дунфань лично направил

участвовать в военном совете, не стоит грубить, — блёкло проговорил Цзюнь лин-сы, и генерал Гуан тотчас же замолчал, больше не смея подавать голоса.

Место Цан Яня находилось с левой стороны от Цзюнь Цина, похоже, сам мужчина был на ранг ниже Цзюнь лин-сы. Сам же Цан Янь, обращаясь к Фэн Мину, сказал:

— Сегодняшнее собрание созвано преимущественно ради обсуждения вопроса обучения войск. Мы все уже придумали план обучения, написали на бумаге, изложив всё по пунктам, и вручили главнокомандующему — Цзюнь лин-сы.

Фэн Мин в душе закатил глаза и, будучи достойным военнотружущим, действовал быстро и решительно: в первый же день его вытащили из-под одеяла, чтобы поведать о планах военного обучения. Хотя он раньше не интересовался вооружением армии и прочими военными делами, однако всегда читал исторические маньхуа, где солдаты по небу летали и под землёй проходили [7] и каждый в равной степени обладал высокочассной техникой боя «восемнадцать покорных ладоней дракона» [8]. Современному человеку совершенно нельзя просто так говорить о подобном, а уж тем более Цзюнь лин-сы не поймёт, что такое авианосец, хоть убей.

А вот трактаты о военном искусстве ещё куда ни шло, князь мог вспомнить и рассказать им от силы про две знаменитые исторические битвы. Обучать войска — действительно настоящая вещь, но в спешке и впрямь крайне сложно придумать какой-нибудь изумительный способ.

— Обучать войска? Цзюнь лин-сы является знаменитым и отважным полководцем Дунфань и наверняка имеет множество различных методов. — Взгляд больших глаз Фэн Мина обратился сначала на восток, а потом на запад [9].

Как мог Цзюнь лин-сы обмануться таким притворством, что скользило в словах юноши, и, пристально глядя на Фэн Мина, он проговорил:

— Главной темой сегодняшнего вопроса является обсуждение способов обучения войск, все генералы уже подали докладные, где детально всё изложили, сейчас только не хватает докладной князя Мина.

Несколько десятков наполненных угрозой взглядов упали на князя из Силэй, заставляя того чувствовать себя не в своей тарелке, сам же Фэн Мин посмотрел на суровое лицо Цзюнь лин-сы, понимая неизбежное. Ему ничего другого не оставалось, как взять себя в руки, и, красиво изогнув уголки губ, он обнажил беззаботную и в то же время лёгкую улыбку:

— Цзюнь лин-сы не нужно горячиться, сначала позвольте мне сказать пару слов о ваших подходах к обучению войск. Все генералы, вспомните методы военного обучения, которые не более чем усиленные тренировки, стройные ряды, строгая воинская дисциплина, награждение по заслугам, наказание за проступки, сохранение боевого и морального духа, командир должен сражаться в первых рядах бойцов и тому подобное, так ведь?

Лица генералов слегка изменились.

Сказанные «и тому подобное» слова на самом деле принадлежали учению Жун Тяня, вот только если предположить, то методы обучения войск у всех стран, должно быть, были почти одинаковые, и князь об этом догадался с первой же попытки. Эти техники в современной эпохе, по-видимому, не имели огромного значения, а вот в древности они почти считались государственной тайной. Могли ли его, Фэн Мина, безрассудные слова сильно удивить этих генералов, которые всегда считали, что князь Мин лишь сексом и страстью обольстил императора Силэй?

Цзюнь Цин крайне спокойно ответил:

— По словам князя Мина, у наших методов военного обучения всё ещё есть недостатки. Просим князя Мина не отказать в совете.

Оказавшись в окружении врага, Фэн Мин сидел как на подстилке из гвоздей, лишь сейчас он полностью осознавал намерения Лу Даня.

Находясь в подобном положении и даже прекрасно понимая, что может быть полезен Лу Даню, ему также придётся «выжать мозги», чтобы придумать способ, который заставил бы Цзюнь лин-сы потерпеть неудачу.

— Как я мог сказать, что в генеральских методах военного обучения есть недостатки? — Фэн Мин вольно улыбнулся и, решительно поднявшись на ноги, на глазах у множества генералов медленно вышел на середину зала, словно мировая супермодель, обычно демонстрирующая новейшую модную одежду. Держась благородно и учтиво, юноша, вышагивая, продолжил: — Если уделить внимание малым аспектам, разумеется, можно воспитать неплохой дисциплинированный отряд. Однако это не созидание, поистине превосходный метод военного обучения может создать непревзойдённую армию.

С полной уверенностью в себе и высокомерностью князь медленно подошёл к Цзюнь лин-сы и, остановившись, склонил голову, внимательно рассматривая совершенно безэмоциональное лицо генерала, и обнажил мягкую улыбку:

— Цзюнь лин-сы не хочет знать, что это за превосходный метод военного обучения?

Гордо держащий голову Цзюнь лин-сы встретился со взглядом князя Мина:

— Как раз собирался поинтересоваться.

— Это... — и с алых губ сорвалось одно слово, — система.

— Система? — нахмурил брови Цзюнь Цин.

— Система? — затаившие дыхание и ожидавшие ответа генералы пребывали в замешательстве и обменялись растерянными взглядами.

— Верно, система, — стоя в центре зала заседаний, Фэн Мин великодушно оглядел всех собравшихся и медленно продолжил: — Все знают, насколько важен боевой и моральный дух, однако не знают, как сделать так, чтобы боевой дух армии достиг пика. Награждение и наказание, тренировки, ежедневные, непрерывные, и повторяющиеся азы — не самое главное, важнее — реформа военной системы, заставляющая каждого солдата стремиться к вершинам, непрерывно стимулируя себя.

— Князь Мин сказал так много всего, но до сих пор ничего не сказал по существу, — внезапно донёлся голос сзади. Голос хоть и был нежным, однако очень походил на пронзительно холодную интонацию Цзюнь лин-сы: — О вопросе морального духа мы уже давно знаем. А упомянутая князем Мином система, в конце концов, для чего? Действительно ли она поможет поднять боевой дух? К тому же она на самом деле поможет повысить боевую мощь войск Дунфань? На эти вопросы князь Мин не дал внятного ответа. Станет непревзойдённой, то-то и то-то, словно неуч хвастается без всякой меры.

От прозвучавших вопросов, которые пустили кровь с первого укола [10], Фэн Мин в душе немного скривился и повернул голову, чтобы посмотреть на того, кто задал ему эти вопросы. Этот, очевидно, занимающий особое положение молодой генерал являлся единственным, кто стоял за спиной Цзюнь лин-сы. Молодой человек был облачён в такое же платье, как и остальные, он обладал белоснежной кожей, очаровательной внешностью, однако жаль, что в его глазах сверкал холодный блеск. Лишь посмотрев на него, тотчас же становилось понятно: юноша с детства получил крайне строгое военное обучение и совершенно серьёзно относился даже к речам и смеху.

Цзюнь Цин, заметив, что юноша всматривается в стоящего за его генеральской спиной человека, открыл рот и сказал:

— Это моя дочь — Цзюнь Тин, нынешний тринадцатый помощник полководца Дунфань.

С самого начала это была девушка, неудивительно, что её голос звонкий и нежный, а внешность очаровательная.

— Молодая госпожа Цзюнь Тин, приветствую, — дружелюбно улыбнулся ей Фэн Мин.

— Это военное заседание, прошу князя Мина называть меня тринадцатый помощник полководца. — И Цзюнь Тин холодно добавила: — Подчинённый [11] генерала только что задал вопрос и просит князя Мина ответить.

На что Фэн Мин равнодушно сказал в ответ:

— Объяснить систему очень просто, а создать её и к тому же добиться успешного результата

вовсе не легко. Тринадцатый помощник полководца только что задал мне жизненно важный вопрос: может ли мой метод поднять боевой дух армии? Если я сейчас стану объяснять метод, никто вовсе не увидит реальный результат, поэтому я хочу использовать более подходящий метод, который решит проблему, и докажу всем вам его эффективность.

— Какой метод? — на этот раз спросил Цан Янь.

На самом деле генерал спрашивал от имени всех генералов, которые уже находились словно в подвешенном состоянии. Следуя за Жун Тянем и Лу Данем, которые умело владели тактикой психологической войны и ловко применяли её к людям, Фэн Мин каким-то образом тоже научился психологическим приёмам, хоть и поверхностно.

— Факты говорят громче слов, а эффект можно увидеть только по результатам. — Под пристальными взглядами Фэн Мин, выпрямив спину и с очевидным воодушевлением сложив руки в знак почтения, важно проговорил, обращаясь к Цзюнь лин-сы: — Чтобы проверить мой метод обучения, прошу Цзюнь лин-сы передать мне одну часть войск, и обучение будет проходить под моей полной ответственностью. Только после трёх месяцев Цзюнь лин-сы сможет проверить изменения в тренировках. — Подумав, князь вновь проговорил: — Я не буду требовать дать мне слишком много людей, Цзюнь лин-сы может не переживать, вполне достаточно лишь сотни человек. — Так или иначе, после трёхмесячного испытания, когда приговор будет вынесен, кому дано умереть — умрёт. Однако прежде всего нужно было иметь в своих руках небольшое количество войск — чем больше людей, тем больше возможностей выйти на улицу. Кто знает, когда придёт подходящее время, он, князь, воспользуется психологической стратегией и, возможно, ещё сможет уговорить эту сотню людей помочь ему сбежать.

Будут изменения, а значит, будет и шанс.

Цзюнь лин-сы, будучи главнокомандующим Дунфань, был суровее, чем простой генерал, и, задумавшись с минуту, весело сказал:

— Имея лишь сотню солдат, можно ли увидеть результат обучения? Я передам князю Мину тридцать три тысячи солдат, и обучение будет проходить под полной ответственностью князя Мина, а тринадцатый помощник полководца будет ему помогать в этом. Кроме того, не следует ждать, когда закончится трёхмесячный срок, чтобы увидеть результаты, мы будем упражняться раз в месяц: три тысячи солдат из моего подразделения против тридцати трёх тысяч воинов тринадцатого помощника полководца, и каждый месяц будем сравнивать итоги, оценивая метод обучения князя Мина.

«Тридцать три тысячи солдат? Тринадцатый помощник полководца будет помогать? Упражняться раз в месяц?» — лицо князя слегка побледнело.

Цзюнь Тин, которую совершенно не волновало лицо Фэн Мина, с полной уверенностью отозвалась:

— Подчинённый повинуется приказу и, конечно же, как следует поможет князю Мину в обучении войск.

— Ну что ж, на этом сегодняшняя дискуссия окончена, можете идти.

Примечания:

[1] В оригинале фраза звучит как «бояться получить и бояться потерять», обр.: всего бояться, жить в постоянном беспокойстве.

[2] Презрительное название человека с узкими взглядами, преданного рутине, невежественного, отличающегося лицемерным поведением.

[3] Обр.: волнующее положение, ситуация.

[4] Тип традиционного жилища в Китае.

[5] В оригинале фраза звучит как «взлёт дракона и пляска феникса», обр. об исключительно красивом почерке.

[6] Адъютант, офицер-помощник.

[7] Обр.: иметь способности всё сделать.

[8] «Цзян лун шибя чжан» является вымышленной, но высочайшей техникой боя, упоминаемой в серии уся-новелл Цзинь Юна «Предания о героях, стреляющих в орлов», «Волшебный орёл и товарищ-рыцарь», «Меч небес и сабля дракона», «Восемь рас небесных драконов».

[9] Обр. о блуждающем туда-сюда взгляде.

[10] Обр. в знач.: попасть в самую точку; не в бровь, а в глаз.

[11] В оригинале Цзюнь Тин называет себя «сяо», что означает младший (в ряду, напр. братьев), малолетний, молодой.

<http://bllate.org/book/13377/1190149>